

РЕЦЕНЗИИ

Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М., Гнозис, 2007.

Книга «Антология концептов», как можно понять из ее заглавия, принадлежит к популярному в последние годы направлению междисциплинарных гуманитарных исследований: она посвящена изучению «концептов», то есть, грубо говоря, смыслов, выражаемых языковыми единицами.

Прежде, чем начать говорить о книге по существу, хотелось бы сделать одну существенную оговорку. В аннотации к книге сказано: «“Антология концептов” представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении». В действительности книга вовсе не является словарем. Дело не в объеме словника или отсутствии определенного формата представления единиц, а в том, что в книгу включены описания, выполненные на материалах разных языков, разных эпох, частью посвященные одному языку, частью сопоставительные, исследования, выполненные в рамках разных научных идеологий, на основе разных методик и с привлечением инструментария разных наук. Так что название «антология» более точно отражает жанровую принадлежность книги.

«Антология концептов» устроена следующим образом. Собственно описательной части предпослано Введение «Некоторые направления современной концептологии», состоящее из четырех разделов. На самом деле это, по сути, четыре отдельных теоретических введения, написанных, как сказано в предисловии, представителями четырех «школ лингвистической концептологии»: Воронежской, Кемеровской, Краснодарской и Волгоградской.

Первое введение написано З.Д. Поповой и И.А. Стерниным и называется «Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку». В нем, в частности, говорится: «*Лингвокогнитивная концептология* использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы»

(с. 9). В то же время «Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации» (с. 8).

Второе введение написано С.Г. Воркачевым и называется «Постулаты лингвоконцептологии». В нем концепт определяется как «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в “снятом”, редуцированном виде. В качестве “законного наследника” этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» (с. 10).

Третье введение написано В.И. Карасиком и Г.Г. Слышкиным и называется «Базовые характеристики лингвокультурных концептов». В качестве таковых приводятся: комплексность бытования, ментальная природа, ценностность, условность и размытость, изменчивость, ограниченность сознанием носителя, трехкомпонентность (имеются в виду ценностный, образный и понятийный компоненты), полиапеллируемость, многомерность (по сравнению с фреймом, сценарием, скриптом и др.), а также методологическая открытость и поликлассифицируемость (с. 12–13).

Наконец, четвертое введение написано М.В. Пименовой и называется «Методология концептуальных исследований». В нем, помимо собственного определения концепта, содержится перечисление этапов исследования концептов: «Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвертый этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы.

исследование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап – исследуются сценарии» (с. 15).

Перечислим хотя бы некоторые концепты, которые являются предметом описания в данной книге: «быт», «воля», «дружба», «закон», «здоровье», «красота», «страх», «удивление», «форма», «язык», «грех», «деньги», «домовой и русалка», «Америка», «Россия». Большинство исследований выполнено на материале русского языка, однако не все. Например, концепт «приватность» изучается на материале лингвокультуры США, концепт «пунктуальность» – через русско-немецкое сопоставление, концепт «умение жить» – через русско-французское, а концепт путешествие – через русско-китайское. Концепт «женщина» изучается в текстах среднеанглийского периода (с XII по XV в.). Собранные в книге работы чрезвычайно разнообразны как по материалу, так и по методу. Используются самые разные методики описания языковых единиц, в частности довольно широко применяется психолингвистический эксперимент. Описываются не только языковые единицы, но и пословицы, и народные приметы, и художественные тексты, и другие сущности. В качестве культурных концептов рассматриваются, в частности, мифологемы (см. статью «Домовой и русалка»), а также речевые акты (в статье «Оскорбление» вводится понятие «иллокутивного концепта»). Стоит отметить, что в части статей содержится свежий и интересный материал.

Собственно антология состоит из примерно сорока статей, посвященных отдельным концептам, причем практически каждой из них предпослано собственное теоретическое введение, в котором обсуждается, как автор понимает термин «концепт» и каким образом концепты следует изучать. Таким образом, данная книга представляет собой не столько антологию концептов, сколько антологию концептологии. Поскольку в современной лингвистике термин «концепт» используется чрезвычайно широко и при этом совершенно по-разному, книга, в которой одновременно представлена по крайней мере часть спектра пониманий этого термина, несомненно, полезна. Тем не менее, такая структура приводит к странному эффекту: если читать книгу подряд, то приходится десятки раз прочитывать сходные, а подчас почти дословно совпадающие рассуждения о том, что концепт в науке понимается по-разному, о нем писали такие-то лингвисты, а вот автор будет понимать его таким-то образом – и далее следует определение, часто в виде цитаты.

Этот эффект связан со способом формирования данной «антологии». Как сказано в предисловии, в ее основу положены диссертации,

выполненные в разных городах и посвященные отдельным концептам (кстати, кое-где слово «диссертация» осталось даже в тексте). Пожалуй, один из основных недостатков книги состоит в том, что во многих ее разделах жанр даже не диссертации, а автореферата представлен почти в непереработанном виде. А ведь автореферат – очень специфический научный жанр, призванный анонсировать собственно исследование и изложить его результаты. Если же он фигурирует в качестве самого исследования, результат получается не всегда впечатляющий. Скажем, автор сообщает, что на основе анализа лексикографических источников он выделил такие-то основные компоненты значения. Однако читатель так и не узнает, какие словари автор анализировал и каким образом получил свои компоненты из словарных дефиниций. Для жанра автореферата это нормально, но в статье читатель хочет иметь возможность не принимать на веру выводы автора, а следить за ходом его мысли. То же относится и к ссылкам на научную литературу. Во многих случаях они даются глухо (об этом концепте писали такие-то) и в списке литературы не расшифровываются. Вообще списки литературы, в большинстве случаев состоящие в основном из публикаций самого автора – явный след «авторефератного» происхождения. Например, почти анекдотически выглядит список литературы к статье О.Н. Кондратьевой «Душа, сердце, ум» (а надо ли говорить, как избалованы эти слова вниманием лингвистов): в нем 21 пункт, при этом 19 пунктов – это ссылки на работы О.Н. Кондратьевой, а 2 – ссылки на работы М.В. Пименовой и О.Н. Кондратьевой. Библиография к статье Е.В. Димитровой «Тоска» состоит исключительно из работ Е.В. Димитровой. Кстати, в такой ситуации список в конце статьи уж лучше называть не «Литература», а «Список публикаций». Причем если О.Н. Кондратьева хотя бы в тексте статьи списком упоминает некоторых предшественников, то в статье Е.В. Димитровой нет и намека на то, что до нее кто-то из лингвистов когда-либо интересовался русским словом *тоска*¹.

Между тем, там, где мы все-таки не лишены возможности наблюдать за тем, как авторы извлекают смысловые компоненты из исходного

¹ Собственно, автор и изложение строит соответствующим образом: «В результате анализа словарных дефиниций лексемы *тоска* нами установлено, что эта лексема обладает сложной семантикой, поддающейся логике культурного сценария, но трудно поддающейся делению на отдельные значения» (с. 198).

текста, можно видеть, что это делается не всегда аккуратно. Так, на странице 103 читаем: «Например, определение-суждение “Любовь – это такое чувство, когда я чувствую то, что вы чувствовать не можете” принадлежит А.П. Чехову, и в нем могут быть выделены признаки, которые стали главными для конкретной языковой личности: ‘чувство’, ‘необъяснимость’, ‘невозможность испытывать нечто подобное другим лицом’»². Наверное, можно согласиться, что любовь необъяснима, но где это сказано в чеховской фразе? На с. 113 на основе «анализа системно-языкового материала» выделяются «семы в составе языкового значения лексемы *любовь*». Для «американского языкового сознания» выделяется, например, такая сема: «люди, состоящие в браке, могут снова влюбиться в кого-либо» – и в качестве примера приводятся слово *lovers* и сочетание *love affair*. Однако, даже если оставить в стороне вопрос о том, насколько *lovers* и *love affair* соотносятся с идеей русского глагола *влюбиться*, разве эти слова применимы только к ситуации адюльтера? Да и сочетание *love nest* в качестве иллюстрации семы «влюбленные обычно очень счастливы», по крайней мере, не очевидно.

Даже в тех случаях, когда выводы автора кажутся правдоподобными, взыскательного читателя они часто не удовлетворяют, поскольку неясно, как автор к ним пришел. Так, мне показалось интересным утверждение, что в русском «языковом сознании» «плохо быть легкомысленным в любви, проявлять безответственность (особенно для женщин)», в то время как в немецком «языковом сознании» «легкомыслие, ветреность – не осуждаемые поведенческие типы, связанные с любовью» (с. 110). Возможно, это действительно так, но анализ каких языковых фактов привел автора к этому выводу? Поскольку это неизвестно, то и сам вывод лишается всякой ценности.

Я привожу примеры из описаний концепта любви, но подобные замечания можно сделать и к десяткам других статей. Описание люб-

ви показательно и еще в одном отношении. В книге есть две статьи: «Любовь» (Л.Е. Вильмс), где проводится русско-немецкое сопоставление, и «Любовь и ненависть» (Е.Ю. Балашова), где проводится русско-английское сопоставление. При этом описание сделано настолько по-разному, что, прочитав обе статьи, едва ли можно уяснить, чем отличается немецкая любовь от английской. Это лишнее доказательство того, что «Антология» едва ли может претендовать на статус словаря.

Возвращаясь к статьям о любви, можно заметить, что, как и большинство статей в книге, они страдают чрезмерной любовью к выводам и недостатком вкуса к представлению языкового материала. А ведь, например, Л. Вильмс пишет, что выводы делаются на основе анализа русских и немецких словарей XVIII и XIX вв. Но это же такие интересные источники! Насколько полезным и увлекательным могло бы быть полноценное представление этого материала с его корректным анализом!

И здесь мы подходим, пожалуй, к основной проблеме, связанной с большей частью концептологических исследований, – «ускользанию» предмета изучения. Во многих статьях «Антологии» местами не очень понятно, сущность какого рода автор описывает. Приведу пример. В книге есть статья «Умение жить» (Э.В. Грабарова), в которой «дается характеристика концепта *savoir vivre* во французской лингвокультуре и выявление его соответствий в русском языковом сознании» (с. 497). В этой работе приводится большой и интересный материал, касающийся французского языка. Однако далее читаем: «“Неумение жить” по-русски ассоциируется с отсутствием цели в жизни и отрывом от реальности. Человека, не умеющего жить, в русской культуре часто жалеют, ему сочувствуют (полагая, что он сам не виноват в сложившихся обстоятельствах, что такова судьба – важнейший концепт в русском языковом сознании)» (с. 505). Что здесь описывается? Семантика русского выражения *не уметь жить*? Но оно не связано ни с отсутствием цели, ни с фатализмом. Оно означает что-то вроде ‘не уметь устраиваться’ и связано с установкой на получение материальной выгоды. Вместе с тем, это явно и не описание смысла французского выражения *savoir vivre* (разумется, с отрицанием), который по-русски передавался бы как-то иначе: ведь ранее автор в качестве русских коррелятов этого выражения выделяет такие единицы, как «вежливость, учтивость, умение вести себя, благопристойность, корректность, умение, сноровка, ловкость» (с. 502).

Другой пример. В книге есть статья «Обман» (Н.Н. Панченко). Она начинается слова-

² Как мы видим, здесь нарушен синтаксис. К сожалению, местами язык исследования невероятно тяжел. Ср. только один пример: «Коммуникативная прозрачность речевого портрета языковой личности – это вывод из прагматики содержания текста, выражающего речевое намерение автора высказывания создать восприятие образа лица на основе системы вербализованных субъективных социальных оценок» (с. 404). Кроме того, на мой взгляд, язык «Антологии» перегружен специальной терминологией, далеко не всегда необходимой и часто не прозрачной, но это уже дело вкуса.

ми: «Эмпирически очевидно, что нет такой сферы человеческой деятельности, где бы не встречался обман» (с. 129). Несколькими строками ниже читаем: «Ложь, являясь антиподом правды, демонстрирует тем самым приоритет низших ценностей над высшими» (с. 129). Что бы ни значила последняя фраза, существенно, что здесь говорится уже не об *обмане*, а о *лжи*. При этом подразумевается, что это как бы одно и то же. Далее проводится межъязыковое сопоставление: «В результате анализа 14 англоязычных и 10 русских лексикографических источников обнаружилась национально-культурная специфика семантизации понятий “ложь” и “обман”, которая проявляется в различиях в семантическом представлении лжи и обмана для носителей сопоставляемых языков: существенным для носителей английского языка является указание на мишени и цели воздействия (направленность действия), для русского национального сознания релевантным является интенциональный аспект (намеренность), референтный аспект (искажена ли истина)» (с. 130). Замечательны эти 24 источника, ни один из которых не указан. Скорее всего, это различные толковые словари. Здесь, кстати, хотелось бы сделать одно замечание. Во многих статьях «Антологии» отправной точкой описания концептов служат словарные толкования выражающих их слов (в некоторых статьях это называется «содержательный минимум»). Обращение к словарям, разумеется, всегда полезно, однако приходится с сожалением констатировать, что состояние русской лексикографии не таково, чтобы дефиниции из русских словарей можно было так некритически использовать, притом делая из них столь далеко идущие выводы о фундаментальных различиях культур.

Итак, в статье «Обман» не указаны не только словари, но и то, какие, собственно, слова сравнивались и в каких из их значений. Неясно, брались только существительные (*ложь*, *обман*) или также и глаголы (*лгать*, *обманывать*)? И каков в этой ситуации статус таких слов, как, например, *неправда* и *вранье*? Аналогичные вопросы возникают и в отношении слов английского языка. Не вполне очевидно также и то, что в точности автор понимает под «семантизацией понятия».

Как кажется, более естественный путь состоит в том, чтобы начинать с анализа семантики и функционирования реальных языковых единиц, групп этих единиц, выявлять их взаимосвязи, семантические противопоставления между близкими единицами и т.п., затем реконструировать на основе этого анализа фрагменты языковой картины мира (если угодно, определенные концепты или группы концеп-

тов). Достоверность реконструкции будет в этом случае обеспечиваться опорой на реальные языковые факты. И уже следующий шаг может состоять в том, чтобы дополнить описание языковой семантики разного рода культурным, мифологическим или иным анализом. В этом случае понятно, что сравнивается при сопоставительном исследовании: концепты или фрагменты русской, английской и т.д. картины мира, реконструированные на основе языковых фактов, будут разными в силу того, что по-разному в соответствующих языках ведут себя языковые единицы.

Приведу пример системного описания семантики языковых единиц. Что касается русского слова *ложь* и слов, близких к нему по смыслу (*обман*, *надувательство*; *дезинформация*; *сказки*, *рассказы*, *басни*, *небылицы*; *клевета*, *напраслина*, *поклеп*, *наговор*, *оговор*, *инсинуация*; *подделка*, *подлог*, *фальсификация*, *фальшивка*; *выдумка*, *вымысел*, *мистификация*; *ошибка*, *заблуждение*), то их семантическое описание приводится в статье В.Ю. Апресян «Неправда, ложь, вранье», составленной для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (под общим руководством Ю.Д. Апресяна), 2-е изд., Москва; Вена, 2004. В Преамбуле к синонимическому ряду рассматривается вся большая группа сходных по смыслу слов и приводятся семантические признаки, по которым они противопоставляются: «1) сознательно ли отступление от правды или норм честности; 2) каковы цели этого отступления, если оно намеренное (добиться чего-то для себя, причинить кому-то вред, помешать кому-то добиться своих целей, игра); 3) что используется для введения адресата в заблуждение (высказывание, действие, конкретный предмет)». Рассматриваются там, в частности, различия между *ложью* и *обманом*, которые доказываются правильностью или неправильностью конкретных высказываний: «Во-первых, *обман* предполагает более широкий спектр средств создания заблуждения – не только высказывания, но и действия; ср. *Чтобы получить хорошую отметку, он пошел на обман* – *послал вместо себя на экзамен своего брата-близнеца*. Во-вторых, *обман* (в тех случаях, когда в качестве средства используется высказывание) не может, в отличие от *неправды*, *лжи* и *вранья*, характеризовать содержание единичного высказывания. Он непременно предполагает некий план, и, следовательно, некую продуманную совокупность взаимосвязанных действий или высказываний. Ср. *обдумывать обман*, *Обман удался*, *Обман рухнул*, *раскрыть обман*, но не **Ты там был?* – *Нет*. – *Обман!* при возможности *Ты там был?* – *Нет*. – *Неправда* <*ложь*, *вра-*

ные»». Затем точно так же сравниваются и значения самих членов синонимического ряда. В результате мы получаем четкое представление о том, как язык концептуализует соответствующий фрагмент внеязыковой реальности. Имея такое описание, при желании можно проводить сопоставление с другими языками или строить разного рода культурологические или иные интерпретации. Кстати, *вранье* именно как культурно-специфический концепт, реконструируемый на основе языковых данных, подробно описано в работе А.Д. Шмелева «Вранье в русской языковой картине мира» (Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. В печати)³.

Можно назвать и еще некоторые проблемы, типичные для концептологических работ и представленные, в частности, в статье об обмане, как, впрочем, и во многих других статьях «Антологии». Это, например, проблема ис-

³ Разумеется, альтернативные семантические описания можно было бы привести для большей, если не для большей части рассмотренных в книге слов. Данный фрагмент я привожу лишь как иллюстрацию возможности иного подхода к анализу значения языковых единиц.

пользования паремиологического фонда для изучения концептов. Так, для характеристики концепта лжи/обмана использованы 150 паремий (75 русских и 75 английских) (с. 133), но мы не знаем, что это за единицы: в подобных исследованиях часто используются пословицы, взятые из словарей и т.п. и реально не функционирующие в современном языке, не известные его носителям. Но участвуют ли они в этом случае в формировании концепта?

Можно было бы продолжать перечислять проблемы, с которыми сталкивается область науки, в рецензируемой книге называемая концептологией, но я перейду к выводам.

Очень хорошо, что лингвистика стремится расширять свои горизонты, привлекая данные других наук и используя их инструментарий. Но было бы жаль, если бы на этом пути она растеряла собственный инструментарий и пренебрегла собственными достижениями. Современная семантика уже довольно много знает о смысле языковых выражений, и рутинное семантическое описание подчас бывает более концептуальным, чем «концептологический» анализ.